

Katarína Motyková, Nina Zingerova (Братислава, Словакия)

ГДЕ ОСТАЛСЯ ИВАН? КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ИНСТРУМЕНТАРИИ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Katarína Motyková
(Катарина Мотыкова)

PhD.
Университет им. Ко-
менского, Братислава,
Словакия, кафедра
германистики, гол-
ландистики и сканди-
навистики, отделение
скандинавистики

Nina Zingerová
(Нина Цингерова)

Mgr.
Университет им. Ко-
менского, Братислава,
Словакия, кафедра
русского языка и
литературы, интерный
аспирант

Рассматривать дискурс в качестве социальной практики имплицитно подразумевает учет диалектических отношений между обществом и дискурсом¹, но и то, что дискурс представляет собой мощное орудие, у которого есть потенциал изменять и формировать общество. Производством дискурсов, которые мы понимаем как динамичные системы всех продуктов речевой деятельности (конкретного использования средств языка, по конкретным правилам, в конкретном контексте) создается образ отдельных лиц, групп, событий, но и данного общества. Посредством дискурсов им приписываются новые значения, стабилизируются уже обретенные и актуализируются забытые. Дискурсные формации таким образом становятся естественным объектом исследований в рамках гуманитарных наук.

Особое место среди дискурсных исследований, основанных на важном постулате конструктивистского понимания языка, занимает в силу своего фокусирования на функцию конкретного использования языка в конкретном обществе критический дискурс-анализ. Целью является не только исследование отношений между текстом, дискурсом и контекстом но и произведенный эффект и «обнажение» отношений власти отраженных и подтверждаемых

продукцией дискурсов. Значит, речь идет не только о дескрипции, описании «языкового строения» отдельных дискурсов², лингвистическом характере разных социальных проблем, но и о вмешательстве в общественные процессы и ирритации отдельных дискурсов³, ущемляющих «подчиненные» группы.

Дискурс-анализ мы воспринимаем как перспективу исследования, которая в связи с многогранным характером дискурсных формаций должна в идеале носить междисциплинарный характер⁴ и пользоваться разнообразными методами. Среди лингвистических методов мы можем приводить например анализ семантических оппозиций (оппозиция мы-они и способ ее строения), анализ на уровне лексики (использованные языковые средства, их статус в рамках системы данного языка), анализ на уровне синтаксиса (использование пассивных конструкций, конструкций типичных для выражения разных типов коммуникационных категорий – напр. угроза, призыв и т.д.) и другие. Все приведенные дискурсные практики мы относим к анализу дискурсных фрагментов на уровне содержания. В нашем случае дискурсные фрагменты представлены текстами СМИ. На уровне формы мы можем уделять внимание вопросу *как и каким способом акцентируются*

и реакцентируются разные жанры и нарративы⁵. Перемещение фокуса на форму происходит и в рамках микроанализа и при анализе разных фигуративных элементов например метафор, метонимий и т.п. Конечно, речь не только о способе выражения посредством формы, но и о гармонии значения и формы. Важной предпосылкой успешного анализа является применение подходящего метода, который способен лучше всего раскрыть структуры исследуемого дискурсного фрагмента. При анализе дискурса, который разрастается вокруг топика «русский туриста» в словацком контексте таким методом является, на наш взгляд, и применение теории концептуальной метафоры.

В нашей статье мы хотим показать как функционирует концептуальная метафора, исходная понятийная область которой связана с событиями 1968-го года. Нашей целью является продемонстрировать, как анализ подобного рода может способствовать более комплексному результату исследования дискурса.

Описание случая

Совсем недавно Высокие Татры относились к традиционным туристическим направлениям жителей бывшего СССР, но в последние годы наблюдалось ослабление туристического потока. Статья консервативного еженедельника *tyždeň*⁶ посвящена именно этой теме. Мы интересовались, прежде всего, формированием образа «русскоязычного туриста⁷», который в более широком смысле может быть воспринят как образ «русскоязычного» в словацком контексте. Применение теории концептуальной метафоры мы хотим продемонстрировать на заголовке статьи – *Иван остался дома (Ivan ostal doma)*.

В нашей статье мы сосредоточились на концептуальной метафоре и метафорическом концепте (РУССКИЙ ТУРИСТ), которые вытекают из исследуемого дискурсного фрагмента. Нужно уточнить, что после 1989 года, насколько нам известно, не был осуществлен социологический опрос, касающийся отношения словаков к русским. Но актуализация данного прецедентного феномена не является ничем особенным.

Печатные ежедневники (Pravda, SME), формирующие общественное мнение, регулярно возвращаются к событиями 1968-го года и словацкие общественные деятели ежегодно высказываются по случаю годовщины вторжения войск Варшавского договора. Использование прецедентного феномена в метафоре, с которым мы имеем дело в исследуемой статье, т.о. является понятным⁸.

В ходе анализа мы обращаем большое внимание на некоторые позиции, которые в рамках системы текста принято считать сильными. К этим позициям следует отнести заголовок, начало и конец. Но, в отличие от последних двух перечисленных у заголовка, с точки зрения членения текста, особый статус. Он стоит семиотически над текстом и одновременно он с ним семантически неразрывно связан⁹. С точки зрения анализа, конечно, важно осознать и взаимодействие заголовка (заголовочного комплекса) и основной части текста. Картина не будет полной, если сосредоточится в ходе анализа только на одну из частей и не воспринимать заголовок и само тело текста в качестве двух частей в тесном взаимодействии. Содержание улавливается «после» текста, заголовок становится опорной точкой и в это время он находится «под» текстом, образует его фон¹⁰. Лункин пишет, что в заголовке представлена вся «триада Пирса» икона-индекс-символ. *При восприятии заголовка до прочтения текста он – индексальный знак, который по мере чтения трансформируется в знак условный, после прочтения и усвоения текста – приближается к мотивированному условному знаку.*¹¹ Значит, «в предверии» текста заголовок обращается к тексту, «после» текста он воспринимается как знак мотивированный основной частью текста.

Экспонированная позиция (и графически выделенная) в рамках текста предопределяет и функцию заголовка в коммуникации, значит, «вне» текста. Высказывание, сделанное с позиции заголовка, «перед» текстом, является первым сигналом отосланным в направлении получателя. Как правило, в этом высказывании содержится, в минимальной форме оценка автора данного дискурсного фрагмента. Заголовок – своего рода имя, которым журналист наиме-

новывает дискурсное событие. Информацию в заголовке читатель использует в качестве ориентационной точки в процессе строения общего значения текста¹². Будем исходить из того, что *мышление представляет собой манипулирование внутренними (ментальными) репрезентациями типа фреймов, планов, сценариев, моделей и других структур знания*¹³. Заголовок активизирует сеть ассоциаций, связанных с культурным и социальным контекстом читателя и предполагаемых автором. Именно так Ван Дейк определяет когнитивную функцию заголовка и подчеркивает актуализацию уже обретенных знаний. На этой основе образуются модели и сценарии.¹⁴ Значит, заголовок категоризирует текст, включает его в систему других текстов и отсылает к другим контекстам.

Благодаря функции, выполняемой заголовком в коммуникации между журналистом и читателем у него есть потенциал стать идеологически наиболее нагруженным местом текста. По собственному журналистскому опыту мы можем утверждать, что если уже не получается «откорректировать» статью, заведующий отделом вносит изменения в заголовок и достигает другую, иногда совсем противоположную трактовку события, являющуюся «правильной» с его точки зрения. Именно из-за того, что заголовок является своеобразным ключом к раскрытию значения данного текста, его можно считать не только *наиболее видной*¹⁵, но и наиболее «подозрительной» частью сообщения.

В заголовке данного еженедельника *Иван* является метонимией обозначающей всех русских. В данном случае она часть комплексного высказывания, представляющего собой аллюзию на прецедентное высказывание *Иван иди домой*, относящееся к 1968-ому году. Этот лозунг появлялся на стенах словацких и чешских городов, на транспарантах в ходе протестов против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию. И хотя это и были не только солдаты из СССР, в «измене» упрекался, нужно добавить, что по понятным причинам, только советский народ. Что касается текстов повседневной коммуникации как, например, блоги, анекдоты и т.д., значит, текстов, которые не нуждаются в самоцензуре по поводу поли-

ткорректности, речь идет даже не о советских оккупантах. В коллективной памяти они стали русскими, подобно тому, как словом «русские» обозначались в повседневной коммуникации и солдаты Красной армии, проходящие территорию бывшей Чехословакии во время Второй мировой войны. Интересно, что в данной статье речь идет не о русских, а о «русскоязычных туристах». Значит, создается общая идентичность для русских и украинцев, которых принято воспринимать как одну категорию.

Прецедентное высказывание про Ивана появляется несколько раз в тексте, не только в заголовке, но и в качестве апелляции к тексту песни Й. Вомачку из 1968-ого года *Беги домой, Иван, тебя ждет Наташа*: «У многих словаков в менталитете укоренились представления о русскоязычных туристах как о второсортных и постоянно звучит пресловутый призыв «Иван, вернись к Наташе!». Ну и так Иван вместе с Наташей поехали в отпуск в Альпы»¹⁶.

В ходе анализа на метатекстовом уровне выяснилось, что перечисленные аллюзии являются составной частью актуализации прецедентного феномена, в данном случае прецедентной ситуации, которую можно в совокупности назвать *оккупация 1968-го года*. В данном тексте настроения по отношению к «русскоязычным туристам» описываются словосочетаниями, перекликающимися с таким образом определенными рамками: *продолжительно нетерпимое отношение к русскоязычным туристам, неизбежное зло, второсортные русские туристы*.

В ходе анализа концептуальной метафоры в данной статье сохраняется категория «русскоязычный туриста», но концепт ТУРИСТ вступает в отношения только с концептом РУССКОГО, обладающего атрибутами как *родом из бывшего СССР* и т.п. Политкорректность, к которой стремится автор выражением *русскоязычные туристы* на уровне ТУРЕ, равно как и негация или же иронизация, в статье не проявляется.

Из статьи можно абстрагировать концептуальную метафору на уровне ТУРЕ – РУССКИЙ ТУРИСТ есть ОККУПАНТ. Интересным является и семиотическое окружение данного текста. В качестве иллюстрации к тексту была взята фотография снежной пушки, распылявшей снег

по пустому склону. Русские ушли, спуск пуст, осталась только пушка.

Всякое использованное метафорическое выражение (уровень TOKEN) содержит в себе концептуальную метафору (на уровне TYPE). «Концептуальная метафора, таким образом, только *контексто-независимая* форма абстракции, осуществляемая посредством метафорических выражений»¹⁷ (Перевод Н.Ц.). В пользу применения теории концептуальной метафоры говорит то, что она позволяет выстроить пустую формулу. После подставления в формулу мы можем определить ее составляющие, эксплицитно не высказанные в рамках данного фрагмента, но имплицитно все-таки присутствующие. Примером может служить концептуальная метафора РУССКО(ЯЗЫЧНЫЙ) ТУРИСТ есть ОККУПАНТ, подразумевавшая, что жители Словакии, в данном контексте не упомянутые, являются жертвами русской «оккупации».

Концептуальная метафора по своей природе является объектом исследований когнитивных лингвистов, причем в исследованиях, ориентированных в этом направлении она не является вопросом языка, а вопросом мышления. Будучи такой она дает ответ на вопрос как люди думают на основании того, как они говорят о данных концептах. При критическом дискурс-анализе, или дискурсных исследованиях вообще, когнитивный подход к данной проблематике важен не до такой степени как семиотический подход.

Для нас важны отправные точки, которые Ларсен¹⁸ определяет следующим образом: метафоры – интегрированные составные части текстового процесса; текстовый процесс, воспринимаемый таким образом создается в напряжении между стратегией текста и эмпирическим основанием; в этих отношениях метафора является проспективной; метафорический процесс определяется релевантным контекстом, в котором метафора использована и это таким образом, что метафора способствует не только формальному, но и репрезентативному значению¹⁹. Значит, речь идет, прежде всего, о том, как данная концептуальная метафора закреплена в данном средстве передачи – медиуме, контексте и как она способствует созданию социальной действительности. Метафора одновременно

становится знаком, выступающим в качестве представителя новой реальности. С точки зрения дискурсных исследований культурно конструированная концептуальная метафора носит характер индекса, значит, она отсылает к однозначно культурно обусловленному феномену, например к прецедентной ситуации из 1968-го года. Таким образом, она становится дискурсной практикой. То есть она, подобно тому, как и ирония, сознательно структурирует образ русского туриста в тексте.

В ходе данного анализа важно было не только проанализировать концептуальную метафору, но, прежде всего, сосредоточиться на предшествующих событиях и знаниях, на вопрос об эмпирическом (включая культурные и исторические события) основании, определяющем и формирующем²⁰ метафору. В этом случае мы имеем дело не с основанием обусловленным универсальными или природными условиями, а с культурно и геополитически детерминированным опытом, представленным данной концептуальной метафорой.

РУССКО(ЯЗЫЧНЫЙ) ТУРИСТ есть ОККУПАНТ – концептуальная метафора, подразумевавшая метафору высшего уровня РУССКИЙ есть ОККУПАНТ. Субкатегоризация данных метафор в исследованных контекстах выглядела бы на наш взгляд следующим образом:

Словацкий контекст	Шведский и немецкий контекст
РУССКИЙ есть ОККУПАНТ	ТУРИСТ есть ОККУПАНТ
РУССКИЙ ТУРИСТ есть ОККУПАНТ	РУССКИЙ ТУРИСТ есть ОККУПАНТ

Конечно, концептуальная метафора ТУРИСТ есть ОККУПАНТ появляется и в словацком контексте, например, в связи с туристами из Великобритании, но и из России. Но в случае немецких²¹ и шведских²² статей подчеркивается, прежде всего, факт, что русских туристов много, или слишком много и поэтому мы имеем дело с вторжением русских в качестве туристов. В словацкой статье метафора является однозначной

отсылкой, индексом, к прецедентной ситуации и это меняет субкатегоризацию в словацком тексте существенным образом. Эмпирические основания, заключающиеся в восприятии чужого элемента в определенном обществе (турист всегда является представителем чужого, хотя и с точки зрения экономики желанного элемента) и его количество принимается в словацком тексте во внимание только минимальным образом, автор высказывает разочарование в связи нехваткой русских туристов, но на передний план выступает оккупация в качестве неизбежной риторики при метафоризации русского.

Концептуальная метафора ОККУПАНТА, которая обильно встречается и в других текстах на других языках, в других контекстах (напр. в шведском и немецком) является в словацком контексте с точки зрения семиотики совсем другим знаком. В Словакии она отсылает к прецедентному феномену *оккупация 1968 года* и поэтому оправданным является использование фотографии снежной пушки, деликатно дорисовывавшей образ «истинного русского оккупанта», который пришел и занял ЧССР с помощью танков и оружия. В то время как в шведской и немецкой статьях мы имеем дело с подчеркиванием количества при помощи визуальной метафоры. Обе метафоры являются концептуальными и на уровне выражения они почти идентичны, но с точки зрения эмпирического основания мы должны говорить о разном содержании функции знака²³.

Из нашего анализа вытекает, что исследование критического дискурс-анализа в некоторых случаях требует и применение теории концептуальной метафоры, субкатегории которой мы можем обнаружить только с помощью дискурс-анализа в ходе анализа культурного и исторического контекста, являющегося его составной частью. Таким образом мы сможем более точно определить метафору в качестве знака и в связи с этим и включить в результаты КДА.

Заключение

Существенным вкладом с точки зрения работки проблематики образа русского туриста в словацком контексте являлся бы анализ дискурса высшего уровня – дискурса о русских,

конструирующегося в связи с изменением геополитической ситуации. Аргументация в эмоциональном духе, переход в повседневный дискурс, его переплетение с аналитическим дискурсом, часто встречается в отдельных дискурсных фрагментах, объединенных топилом РУССКИЙ. Именно такого рода акцентированная эмоциональность может быть отсылкой к парадигме близких отношений, парадигме семьи, находившейся в определенных отношениях с концептуальной метафорой высшего уровня – РУССКИЙ есть БРАТ.

Литература:

- Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication*, ed. by Van Dijk, T. A., Berlin: Walter de Gruyter & Co. 1985.
- Eco, U.: *Teorie sémantiky*. Praha: Argo. 2009, z anglického originálu přeložil Marek Sedláček Fairclough, N.: *Critical Discourse Analysis. The critical study of language*. London, New York: Longman. 1995.
- Lakoff, G., Johnson M.: *Metafory, kterými žijeme*. Brno: Host-vydavatelství. 2002, překlad do češtiny M. Čejka
- Larsen, S. E.: *Die negativen Metaphern der Stadt*. aus dem Dänischen übersetzt von M. Oligschläger; эл. версия: <http://litteraturhistorie.au.dk/fileadmin/www.litteraturhistorie.au.dk/forskning/forskningspublikationer/arbejdspapirer/arbejdspapir20.pdf>, 29.6.2010.
- Лазарева, Э.А.: Заголовочный комплекс текста – средство его организации и оптимизации восприятия. In: *Известия уральского государственного университета*, 2006, no.40, вып. 19, эл. версия: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040\(03_19-2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040(03_19-2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp), 29.6.2010.
- Лукин, В. А.: *Художественный текст: Основы теории и элементы анализа*. Москва: 1999, эл. версия: <http://www.gramota.ru/biblio/research/hudtext0/>, 29.6.2010.
- Маслова, В. А.: *Когнитивная лингвистика*. Минск: Темпа-Системс. 2008.
- Pielenz, M.: *Argumentation und Metapher*. Tübingen: Gunter Narr Verlag. 1993.
- Van Dijk, T. A.: *Racism and the press. simultaneously published in USA, Canada: Routledge*. 1991.
- Wie kritisch ist die kritische Diskursanalyse. Ansätze zu einer Wende kritischer Wissenschaft*, Hrg. Jäger, S., Münster: UNRAST-Verlag. 2008.
- World Englishes. Critical Concepts in Linguistics*, edited by Kingsley Bolton, Braj B. Bachru, simultaneously published in USA, Canada: Routledge. 2006.

Анализируемые статьи:

- Dropa, M.: Ivan ostal doma. In: *týždeň*, 2/2009, с. 38-41
- Mauder, U.: Wodka-Fans treffen Hantuch-Krieger. Russen im Urlaub. In: *Spiegel*, эл. версия: <http://www.spiegel.de/reise/europa/0,1518,570687,00.html>, 07.08.2008
- Nová kampaň pre Gaštanový alej. In: портал StratégieONLINE,

<http://strategie.hnonline.sk/sk/sedy/spravu/reklama/nova-kampan-pre-gastanovu-alej.html>, опубликовано 27.7.2009

SVT: Ryssarna invaderar Stockholm. http://svt.se/2.35608/1.1840061/ryssarna_invaderar_stockholm?lid=puff_1840061&lpos=rubrik, опубликовано 8. 1. 2010.

1. Cp. Fairclough, N., Wodak, R.: Critical Discourse Analysis. In: *World Englishes. Critical Concepts in Linguistics*, edited by Kingsley Bolton, Braj B. Bachru, simultaneously published in USA, Canada: Routledge. 2006, c. 56.

2. К проблематике «критического» и «не-критического» дискурс-анализа ср. Jäger, S.: Von der Ideologiekritik zu Foucault und Derrida. Ein (noch sehr vorläufiger) Beitrag zu einer möglicher Wende kritischer Wissenschaft. In: *Wie kritisch ist die kritische Diskursanalyse. Ansätze zu einer Wende kritischer Wissenschaft*, Hr. Jäger, S., Münster: UNRAST-Verlag. 2008, c. 34. Егер утверждает, что дискурсные исследования по своей природе всегда являются критическими.

3. Там же, c. 24-25.

4. Там же, c. 29.

5. Фэрклоу комментируя дискурс-анализы в четырех номерах журнала Discourse and Society видит их недостатки прежде всего в отсутствующей ориентации (и) на форму. Ср. Fairclough, N.: *Critical Discourse Analysis. The critical study of language*. London, New York: Longman. 1995, c. 188-189.

6. Droppa, M.: Ivan ostal doma. In: *tyždeň*, 2/2009, c. 38-41.

7. Классификация туристов из Украины и РФ как «русскоязычных», образование совместной идентичности, тоже является составной частью анализа, но в этой статье мы хотим обратить внимание только на возможности, которые предоставляет исследователю теория концептуальной метафоры и не на анализ дискурса данной статьи в целом.

8. Интересным примером креативной метафоры является рекламная кампания с целью продажи участков в братиславском районе Русовце под названием «Obsaďme RUSOVce (Давайте захватим РУСОВце)». Словацкое «Rusov» является В.П. множественного числа от слова «Rus (русский)», так что рекламный лозунг гласит: Давайте захватим русских. Ср.: Nová kampaň pre Gaštanovú alej. In: портал *StratégieONLINE*, <http://strategie.hnonline.sk/sk/sedy/spravu/reklama/nova-kampan-pre-gastanovu-alej.html>, опубликовано 27.7.2009.

9. Лазарева пишет в связи с заголовочным комплексом о «выдвинутой», надтекстовой позиции» и далее: «будучи тесно связанными с основным текстом по содержанию, в структурно-речевом плане [выдвинутые элементы] сохраняют некую самостоятельность, отдельность от текста». Ср. Лазарева, Э. А.: Заголовочный комплекс текста – средство его организации и оптимизации восприятия. In: *Известия уральского государственного университета*, 2006, но.40, вып. 19, по эл. версии: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040\(03_19-2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040(03_19-2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp), 29.6.2010.

10. Ср.: «Если до знакомства с текстом он [заголовок] не столько сообщал информацию об этом тексте, сколько указывал на него (катафорически), то теперь, наоборот, заголовок не столько указывает на текст (анафорически), сколько в концентрированном виде сообщает информацию о содержании текста, как бы находясь уже после и под ним» (Лукин, В. А.: *Художественный текст: Основы теории и элементы анализа*. Москва: 1999, по эл. версии: <http://www.gramota.ru/biblio/research/hudtext0/>, 29.6.2010).

11. Лукин, В. А.: *Художественный текст: Основы теории и элементы анализа*. Москва: 1999, по эл. версии: <http://www.gramota.ru/biblio/research/hudtext0/>, 29.6.2010.

12. Ср.: Лазарева Э. А.: Заголовочный комплекс текста – средство его организации и оптимизации восприятия. In: *Известия уральского государственного университета*, 2006, но.40, вып. 19, по эл. версии: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040\(03_19-2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040(03_19-2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp), 29.6.2010.

13. Петров, В.В.: *Язык и искусственный интеллект: рубеж 90/х годов*. Москва: 1996, процитировано по: Маслова, В. А.: *Когнитивная лингвистика*. Минск: ТентраСистемс. 2008 с. 21.

14. Van Dijk, T. A.: *Racism and the press*. simultaneously published in USA, Canada: Routledge. 1991, c. 50-51, ср. также: Van Dijk, T. A.: Structures of News in the Press. In: *Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media* Discourse and Communication, ed. by Van Dijk, T. A., Berlin: Walter de Gruyter & Co. 1985, c. 84.

15. Van Dijk, T. A.: *Racism and the press*. simultaneously published in USA, Canada: Routledge. 1991, c.50.

16. Droppa, M.: Ivan ostal doma. In: *tyždeň*, 2/2009, c. 39.

17. «Eine konzeptuelle Metapher ist insofern lediglich eine kontextfreie Abstraktionsform, die nur über konkrete metaphori-sche Ausdrücke verwirklicht wird». Ср.: Pielenz, M.: *Argumentation und Metapher*. Tübingen: Gunter Narr Verlag. 1993, c. 71.

18. Larsen, S. E.: *Die negativen Metaphern der Stadt*. aus dem Dnischen übersetzt von M. Oligschldger, по эл. версии: <http://litteraturhistorie.au.dk/fileadmin/www.litteraturhistorie.au.dk/forskning/forskningpublikationer/arbejdspapirer/arbejdspapir20.pdf>, 29.6.2010.

19. Там же.

20. Por. Lakoff, G., Johnson M. *Metaforý, kterými žijeme*. Brno: Host-vydavatelství. 2002, preklad do češtiny M. Čejka, c. 32-38.

21. Ср. напр.: Mauder, U.: Wodka-Fans treffen Hantuch-Krieger. Russen im Urlaub. In: Spiegel, эл. версия: <http://www.spiegel.de/reise/europa/0,1518,570687,00.html>, 07.08.2008, «Ob Türkei, Ägypten oder Thailand - russische Urlauber sind neuerdings überall, und wie die deutschen treten sie in Massen auf. Wodka-Exzesse und Büffetplünderungen machen sie nicht unbedingt beliebt. In Russland ist die Debatte über den "Touristenkrieg" voll entbrannt». («Неважно где - в Турции, Египете или Тайланде – русские туристы по-новому уже повсюду и подобно немецким они встречаются в массах. Водочные эксцессы и опустошение буфетов не делают их обязательно популярными. В России разгорелся дебат по поводу «туристической войны», перевод Н.Ц.).

22. Ср. напр. страница телевидения SVT: Ryssarna invaderar Stockholm. http://svt.se/2.35608/1.1840061/ryssarna_invaderar_stockholm?lid=puff_1840061&lpos=rubrik, опубликовано 8. 1. 2010. «Ryssarna räds inte kylan och nu kommer allt fler till Stockholm för att spendera sina rubel. Ryssar, ryssar och idel ryssar. Det är januari månad och det betyder lågsäsong för turismen - undantaget är ryssarna» («Русские захватили Стокгольм. Русские не боятся холода и сейчас все больше их приходит в Стокгольм, чтобы здесь потратить свои рубли. Русские, русские и опять русские. На дворе январь и для туризма это обозначает мертвый сезон – исключением являются только русские», перевод К. М., Н. Ц.).

23. «Денотация является содержанием выражения, коннотация является содержанием функции знака. (перевод Н. Ц.)», Ср.: Eco, U.: *Teorie sémantiky*. Praha: Argo. 2009, z anglického originálu preložil Marek Sedláček, s. 109.